

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ В ПОНИМАНИИ МЕСТНЫХ МУСУЛЬМАН МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А.О. Никитичева

Алена Олеговна Никитичева | <http://orcid.org/0000-0002-1470-7715> | alengus2112@gmail.com | независимый исследователь (Москва, Россия)

Ключевые слова

ислам, Московская область, этническая идентичность, религиозная идентичность, Всероссийская перепись населения

Аннотация

В статье представлены результаты полевой работы 2014–2021 гг. в местных религиозных организациях мусульман Московской области. Автор изучает аспекты этнической и религиозной идентичностей мусульман. Особое внимание уделено отношению мусульман региона – граждан РФ – к Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. В статье рассматриваются подходы и идеи, отраженные в исследованиях, посвященных переписям населения в России, анализируются языковая, этническая, религиозная и гражданская идентичности изучаемого сообщества, обсуждается проблема определения численности мусульман в Московской области. Автор отмечает тенденцию к снижению доверия респондентов к результатам Всероссийской переписи населения. Наряду с этим было выявлено, что мусульмане региона выражают мнение о необходимости фиксации религиозной принадлежности в следующих переписных кампаниях и официальных документах.

Всероссийская перепись населения – важнейшее мероприятие для всех, кому интересны социальные вопросы и этнокультурная проблематика, поскольку перепись остается важным инструментом изучения этнического состава и языковой ситуации, а ее результаты надолго становятся необходимым компонентом профессиональных публикаций об актуальном состоянии общества в целом.

Отношение жителей страны к такому масштабному событию может быть не менее значимым предметом исследования, чем статистические данные о составе населения. Помимо общего неоднозначного восприятия гражданами опросов и иных добровольных мероприятий, необходимо отметить тот факт, что науч-

---

Статья поступила 24.06.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 07.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Никитичева А.О. Этнический и религиозный факторы Всероссийской переписи населения в понимании местных мусульман Московской области // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 4. С. 192–208. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040108> EDN: HYDRZG

Nikiticheva, A.O. 2022. *Etnicheski i religiozni faktory Vserossiiskoi perepisi naseleniia v ponimanii mestnykh musul'man Moskovskoi oblasti* [Ethnic and Religious Factors in the Russian Census as Local Muslims of the Moscow Region Understand Them]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 192–208. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040108> EDN: HYDRZG

ные работы о правилах учета тех или иных личных данных, о формах фиксации в опросных листах этнической идентичности могут напрямую повлиять на характер участия людей в переписи. Более того, публичная научная дискуссия о способах изучения и различения культур может серьезно усилить имеющиеся тенденции в межэтнических отношениях, поскольку “научные классификации и академический дискурс можно считать важными инструментами институализации этнических различий...” (Соколовский 2010: 409). Это влечет за собой серьезную ответственность исследователей, поскольку их обсуждения могут привести к реификации этнических границ (Соколовский 2012: 89). Поэтому особенно важно проследить реакцию населения и на научный дискурс, и на процесс проведения переписи населения, и на ее результаты.

Очевидно, что не все культурное многообразие страны может быть зафиксировано и изучено методами переписи. Оставшиеся “за кадром”, объединенные на основе самых разных принципов группы людей тем не менее могут представить свое видение ситуации. В данной статье внимание будет уделено конкретному сообществу – мусульманам Московской области, активным участникам местных религиозных организаций, и их отношению к Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Важно отметить, что мусульманское сообщество Московской области неоднородно: этнически оно состоит из представителей разных народов; институционально даже сунниты объединены в рамках трех разных муфтиятов. При этом восприятие местными мусульманами этнокультурной специфики региона, а также самого процесса и результатов переписи населения еще не изучались.

Этничность, язык и религия в описании населения России

Целые направления научных исследований посвящены проблематике, которая может проявиться в беседе респондента с переписчиком: изучение связи религиозной и языковой идентичностей с этнической; конструирование идентичности; этноконфессиональные аспекты во взаимодействии с государством и в отношении к языковой политике. Немаловажно и доверие граждан к переписи населения, готовность принять в ней участие. Именно эти вопросы обсуждались с участниками данного исследования.

На подготовительном этапе особое внимание было уделено методике специалистов Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН, в работах которых системно отражается конструктивистский подход к интерпретации данных. Концептуальные рамки конструктивизма остаются актуальными для понимания культурного разнообразия и активного включения членов общества в процесс создания и изменения культурных границ (Попков, Топорков 2006: 89–90). Знаменитый своим научным подходом антрополог Ф. Барт, один из основоположников конструктивизма в теории этничности, в своей программной работе отмечал, что именно взаимодействие культур, наличие социальных процессов исключения и включения позволяют культурам вырабатывать маркеры границ (Барт 2006: 10).

Одним из главных таких маркеров является языковая принадлежность. Социальные последствия усиления роли того или иного языка в повседневности и различные смежные темы вообще отмечаются специалистами как важнейшие направления исследований этничности в обществе (Дробижева 2006: 90). Поэтому языковому аспекту было уделено особое внимание в полевом исследовании. Но и здесь остается ряд спорных деталей. Так, специалисты отмечали, что от формулировки вопроса – “говорят” люди на том или ином языке, “владеют” им или “используют” его – будет зависеть репрезентативность дан-

ных. При опросе выбор в пользу глагола “говорить” или “использовать” мог бы стать важным шагом и к получению более корректных данных, и к снижению общественного напряжения (Соколовский 2010: 397). Относительно дискуссии вокруг понимания и роли родного языка, в том числе возможности иметь два родных языка, особенно подробно писал академик В.А. Тишков (Тишков, Акбаев 2019: 23). Тема родного языка на протяжении десятилетий остается крайне уязвимой, порождающей конфликтные обсуждения, которые обостряются в периоды переписей населения.

В регионах Урало-Поволжья в эти периоды ожидаемо возобновляются призывы по возможности “улучшить” показатели – “вывести” титульный этнос на первое место. Авторы отмечают, что при такой трактовке задач переписи статистические манипуляции кратно усиливаются. В регионах проводится планомерная информационная подготовка населения к выбору того или иного “нужного” варианта в графах “национальность” и “родной язык”, при этом нарастает противодействие со стороны общественных организаций и отдельных лидеров мнений (Габдрафиков 2019: 194–195). Во многих публичных заявлениях ключевой остается идея безусловной связи языковой принадлежности с этнической. Во время последней переписи звучали опасения, что риск искажения результатов ради политических целей сохраняется¹.

Часто акцентируют внимание на проблеме языка лидеры мнений, чье влияние становится все более значимым в постоянно расширяющемся информационном пространстве. Многие старожилы из числа мусульман Московской области сохраняют семейные и культурные связи с Урало-Поволжьем и активно включены в этот дискурс². Вот как об этом говорил один из респондентов:

В Московской области среди татар и башкир заметен призыв обязательно участвовать в переписи населения, записываться татарами и башкирами. Я вижу в последнее время ажиотаж среди башкир и татар на разных сайтах и в группах. Причем мессенджер “Ватсап”, как я думаю, является основным источником таких сообщений и инструментом их массовой рассылки. У меня, например, наверное, половина контактов в этом мессенджере сейчас активно пересылают такие сообщения (ПМА 2021: Динислам Шарипов).

В 2020–2021 гг. серьезнейшие коррективы в проведение переписи были внесены пандемией коронавируса³. Больше времени для распространения получили тревожные сообщения (и призывы), как именно стоит заполнить опросный лист, активно распространяемые равнодушными пользователями. Эти рассылки могли сильнее обычного повлиять на представления людей о целях Всероссийской переписи населения, об объективности и перспективах применения полученных в ее ходе данных. Установить хотя бы приблизительно процент населения, указавшего в переписных листах ту или иную национальность под влиянием каких-либо публикаций, акций, флешмобов, на основе собственных убеждений или вдохновившись примером лидеров мнений – крайне труднительная задача. В период переписи могут озвучиваться различные “угрозы” существованию народа (либо “истинному” отражению данных в результатах переписи). В иерархии таких угроз на одном из первых мест остается проблема языка, численность носителей которого в сознании многих жителей страны тождественна численности самого народа⁴.

Академик В.А. Тишков в 2019 г. отмечал: “...доминирующий в государстве язык, да еще и с мировым статусом, всегда будет иметь преимущества на так называемом языковом рынке” (Тишков 2019: 140). В случае мусульман Подмосковья этот тезис подтверждается полевыми данными: языком межкультурного общения мусульманского сообщества сегодня стал русский язык. Исключение составляют шииты (хотя среди подмосковных шиитов русский язык также ак-

туален на открытых публичных мероприятиях) (ПМА 2021: Подольск; шииты хутба; 04.04.2021). Тем не менее в ходе полевой работы проявилась символическая важность указания языка своего народа в качестве основания для определения этнической идентичности мусульман.

Вероисповедание как основа для создания сообщества – особый, сложный в имеющихся условиях предмет рассмотрения: отдельного вопроса о вероисповедании в опросном листе переписи населения просто нет. Зарубежный опыт демонстрирует примеры того, как сильная религиозная идентичность мусульман в европейских странах может реально повлиять на сплочение их групп. В Великобритании, по свидетельству экспертов, вопрос о вероисповедании в опросный лист переписи населения был добавлен именно под влиянием мусульманского сообщества (*Ammerman 2007: 31*). В России (как и во многих других странах, проводивших перепись населения) вероисповедание исторически рассматривалось как важнейшая характеристика человека. В отечественных переписях населения вопрос о вероисповедании задавался в 1897 и в 1937 гг. Данные, полученные во время всесоюзной кампании 1937 г., стали неожиданными для руководства страны: верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 56,7%. Таким образом, материалы переписи 1937 г. несли угрозу самим исследователям (*Лучков 2008: 110*). Эти результаты были аннулированы, а в дальнейшем характеристики профессионального состава населения с помощью переписей не изучались (*Чумакова 2012: 106–133*). В 2015 г. А.Е. Суринов, на тот момент руководитель Федеральной службы государственной статистики, отметил, что вопрос о религии не был включен в анкету 2010 г. по рекомендации представителей традиционных конфессий⁵. В 2020–2021 гг. ситуация не изменилась. Поэтому для выявления актуальной численности верующих и в изучении корреляции между ответами об этничности и религиозной принадлежности пока можно опираться только на социологические данные и косвенные показатели.

Региональный контекст и оценка численности мусульманского населения

Историография изучения ислама в России и идентичности российских мусульман обширна и требует отдельного рассмотрения. Здесь же остановлюсь лишь на ряде важных публикаций, имеющих отношение к теме моего исследования. Работы, посвященные различным аспектам ислама в Подмосковье (и, как нередко обозначают авторы, в Московском регионе вообще) можно условно разделить следующим образом: рассматривающие отдельные сюжеты в рамках описания общей ситуации в России (напр.: *Амиров 2009; Асадуллин 2014; Ярлыкапов 2016*); изучающие влияние миграции (напр.: *Деминцева и др. 2017*); представляющие собой обзоры истории формирования и развития мусульманских институций и лидерства (напр.: *Гаврилов, Шевченко 2010; Мухетдинов, Хабутдинов 2011; Бустанов, Кемпер 2016*); анализирующие локальные практики, локальные истории и биографии (напр.: *Гузаиров 2009; Сафаров 2014*); социологические исследования (напр.: *Мчедлова 2015*). Весомый вклад в описание истории и современной жизни старожильского мусульманского населения внесли сами представители общин, в числе которых были историки, этнографы и общественные деятели. Значимым событием стал выпуск энциклопедического словаря “Ислам в Москве” (*Хайретдинов 2008*) в рамках серии “Ислам в Российской Федерации”. С 2015 г. проводится ежегодная конференция “Ислам в Московском регионе”, по итогам которой выпускается сборник статей (см., напр.: *Аббясов 2020*).

Специфика изучения мусульманских общин Московской области состоит в том, что для их членов проживание в регионе сопряжено с постоянным межкультурным общением, в том числе с позиции религиозного меньшинства. Ислам здесь имеет свою историю, при этом особенно важный ее период начался на рубеже XIX–XX вв., когда отмечался общий рост численности населения столицы и окрестных земель. Тогда фиксировалось и расширение мусульманской общины региона. В самой Москве в начале XX в. насчитывалось 5,9 тыс. мусульман (*Гаврилов, Шевченко 2010: 82*). На территории нынешней Московской области сложилось сразу несколько масштабных поселений (часто слободского типа) татар, переселившихся из регионов Урало-Поволжья. Именно татарские соседские объединения стали в Подмосковье первыми общинами, для которых было важно сохранение мусульманских традиций. В конце XX в. на их основе возникли официально зарегистрированные местные религиозные организации мусульман городов и поселений Московской области. Наиболее влиятельные из них, отвечающие интересам местных сообществ, были созданы в середине 1990-х годов. Руководство и актив общин (учредители, советы общин, постоянные участники мероприятий) – граждане России, главным образом из числа татар, башкир и народов Северного Кавказа, а также русских приверженцев ислама.

Местные мусульмане региона обладают объединяющим сообществом опытом, что позволяет проводить исследование их мнений по конкретным темам. Более того, заметной чертой сообщества является ориентир на создание позитивного имиджа, в том числе через адаптацию мигрантов к уже сложившейся в общинах жизни. Международные миграционные процессы последних десятилетий кардинально изменили и увеличили состав прихожан, но участие новоприбывшего населения либо временных мигрантов в управлении общинами мусульман региона остается слабым. Между тем риторика уязвимости татарской идентичности в новых условиях довольно ощутима, хотя она обосновывается не только миграционными процессами, но и влиянием русского немусульманского населения. Несколько меньшую тревожность за сохранение этнической целостности показывают азербайджанцы-шииты, проживающие в Московской области.

Специалисты, исследовавшие влияние миграционных процессов на мусульманские общины в других регионах России еще в 2015 г., видели серьезный конфликтный потенциал в несовпадении поведенческих стратегий местных и приезжих мусульман. В этом случае, по мнению ученых, высока вероятность создания новоприбывшими независимых молельных комнат либо демонстративный отказ от принятия норм местной мусульманской общины (*Шмелев, Потанова 2015: 149*). Мусульмане – старожилы Подмосковья рассказывают, что такой конфликт приводит и к созданию ячеек “проповедников”, которые действуют в разных городах и могут вербовать сторонников в уже созданных общинах (ПМА 2021).

Даже неполный перечень аспектов влияния миграции на мусульман региона не позволяет говорить о гомогенности этого сообщества. Поэтому в данном исследовании акцент был сделан на гражданах России, проживающих в регионе на протяжении многих лет – с рождения или с юности. Речь идет о людях, которые постоянно участвуют в ключевых мероприятиях местных религиозных организаций мусульман (пятничном намазе, меджлисах и собраниях по семейным событиям, в Ураза-байраме и Курбан-байраме, в обучении религии, в открытых празднованиях, например, по случаю годовщины исторического события).

Поскольку численность приверженцев тех или иных религий в регионе (особенно в центре миграционных потоков) на данный момент может быть при-

ведена только приблизительно, мы рассмотрим несколько подходов к ее определению в настоящих условиях. Доля представителей народов, традиционно исповедующих ислам (около 65 народов России), по сведениям одних источников, составляет примерно 11% от всего населения страны (Зорин 2017: 20). Безусловно, в этом вопросе необходимо учитывать мнение человека (Пучков 2008: 109): нужно говорить не о численности общностей, традиционно исповедующих ту или иную религию, а о количестве людей, идентифицирующих себя как ее последователей (Зорин 2017: 20). По данным других источников, например, общероссийского опроса 2011–2012 гг., соотношение приверженцев традиционных религий таково: 59–75% – православные христиане, 5–6% – мусульмане (Романов, Степанов 2012: 54); на эти цифры можно ориентироваться как на нижнюю границу численности исповедующих ислам. Интересно отметить, что председатель Духовного управления мусульман Московской области Р.Р. Аббясов (ПМА 2017) в своих оценках близок к первой позиции: по его мнению, в Подмоскowie местные мусульмане составляют около 10% от всего населения (Никитичева 2020: 151). Р.Р. Аббясов основывается не только на сведениях об этническом составе населения, а на целом комплексе показателей, среди которых посещаемость мечетей и культурных центров. Согласно его подходу, если по данным Федеральной службы государственной статистики численность населения региона на 2021 г. составляет 7 708 499 человек, то не менее 770 тыс. жителей являются последователями ислама.

Важно отметить, что только официально зарегистрированные религиозные организации могут вести открытую деятельность. Поэтому для оценки численности мусульман необходимо учитывать не только данные Министерства юстиции РФ (МЮ РФ) по таким организациям, но и данные, полученные в ходе постоянной полевой работы по выявлению малочисленных либо номинально формализованных объединений.

Согласно информации, приведенной на официальном сайте МЮ РФ, на момент проведения исследования в Московской области было зарегистрировано 84 религиозные организации мусульман. Часть из них имеют собственное помещение или здание (культурный центр, реже мечеть), что позволяет им расширять круг прихожан. Большинство из таких общин представляют ЦРО Духовное управление мусульман Московской области (фактически в составе ЦРО Духовное управление мусульман Российской Федерации), менее широко в регионе представлен Московский муфтият ЦРО Духовное собрание мусульман России, свое представительство имеет и ЦРО Центральное духовное управление мусульман России (действующая община в г. Сергиев Посад); некоторые организации официально действуют вне муфтиятов (шииты).

При попытке оценить численность мусульман в этих общинах важно учитывать три разных показателя, соответствующие трем важнейшим обрядовым мероприятиям, объединяющим верующих: 1) количество активных членов, организующих жизнь общины и регулярно собирающихся на межжлисы – Совет общины (в Подмоскowie в среднем это от 15 до 30 и более человек); 2) количество прихожан на пятничном намазе (обычно варьирует от 300 до 2 тыс. человек, но есть и другие данные, резко отличающиеся в обе стороны); 3) количество участников двух больших праздников – Ураза-байрам и Курбан-байрам (от 500 до 7 тыс. человек; число прихожан в эти дни резко увеличивается за счет иностранных мигрантов). Численность мусульман региона в последнем случае можно уточнить и по сведениям о предоставляемых для коллективной праздничной молитвы площадках. Здесь необходимо ориентироваться на данные до введения ограничений из-за пандемии коронавируса: в 2019 г. было выделено 39 официальных площадок в Московской области.

На мой взгляд, второй показатель должен рассматриваться как основной для определения количества постоянно проживающих в регионе мусульман, но эта идея требует проверки, которую трудно осуществить без статистики. При этом остается проблема подсчета мусульман, которые не посещают коллективные молитвы, например, большого числа женщин. Тем не менее даже с учетом этих деталей мы можем предположить, что 84 общины Подмосковья сегодня объединяют не менее 96 тыс. постоянно проживающих в регионе мусульман (по среднему показателю числа прихожан, участвующих в пятничном намазе).

Остается вопрос о наличии в регионе примеров резидентной концентрации иностранных мигрантов из стран традиционного распространения ислама. Социологические данные позволяют предположить наличие гипотетического российского паттерна складывания районов компактного проживания (вокруг рынков). Исследования, проведенные в г. Москве, позволили заметить, что, “несмотря на ассимиляционные процессы, в том числе за счет строительства новых зданий в местах резидентной концентрации мигрантов, уровень сегрегации растет, поскольку именно мигранты формируют спрос на эту недвижимость” (*Варшавер и др.* 2020: 225–253). Отмечается также процесс “пространственного перераспределения” представителей разных этнических групп. Некоторые исследователи даже указывают рубеж, за которым наступает якобы неминуемая этнизация кварталов: 17% этнически отличных от остального населения жителей. “Реалистичность осуществления подобного прогноза значительно выше на южных, восточных и северных окраинах, чем в центре или на юго-западе столицы...” – предупреждал автор обзора в 2004 г. (*Вендина* 2004). Исследователи отмечают, что в г. Москве сохраняется слабая информированность населения, в том числе молодежи, о других народах и культурах, имеет место влияние этнических стереотипов и предрассудков (*Остапенко и др.* 2019: 95).

Даже если регионы компактного проживания мусульман есть в Московском регионе, то, во-первых, возникли они, вероятнее всего, только в последние 10–15 лет, а во-вторых, сегодня они редко становятся базовой структурой для официально зарегистрированной организации мусульман (с неофициальными объединениями ситуация иная).

Методы полевого исследования

В статье приводится анализ данных, полученных в 2014–2021 гг. в ходе полевой работы в Московской области. Основными методами, используемыми мной, были включенное наблюдение и глубинное интервью с представителями зарегистрированных религиозных организаций мусульман региона (активистами, являющимися гражданами Российской Федерации). Дополнительно был привлечен массив материалов онлайн-опроса, проведенного в апреле 2021 г. среди 50 активных участников общин, в котором были задействованы только адресные обращения: использовались постоянные контакты, сформированные в ходе полевой работы; опросный лист в открытом доступе не размещался. Результаты опроса были использованы для получения дополнительной, менее персонализированной информации. После сбора всех материалов (полевых и полученных в ходе опроса) была предпринята попытка сопоставить мнения мусульман региона по ряду вопросов, связанных с переписью населения. Стоит указать, что мнения людей, “номинально” считающих себя мусульманами, практически не учитывались, поскольку они довольно редко полноценно участвуют в жизни общин.

Следовательно, в данном исследовании имеет смысл говорить о презентации мнения именно активных участников мусульманских организаций, граждан Рос-

сийской Федерации, а не всего мусульманского населения региона. Наибольшее число респондентов, принявших участие в исследовании, оказалось в категории от 35 до 50 лет, что сопоставимо с возрастом многих лидеров общин мусульман Московской области. Большинство опрошенных – мужчины (три четверти опрошенных), что представляется вполне логичным, поскольку именно мужчины руководят и коллективной молитвой, и самой общиной. При этом женщины, может быть, и немногочисленная, но неотъемлемая часть актива любой заметной общины мусульман. Более половины респондентов отметили, что имеют высшее образование, вариант “без образования” не был выбран ни разу (такое соотношение само по себе формирует область для новых изысканий, хотя показатель требует верификации).

Активисты мусульманских общин Подмосквья об участии во Всероссийской переписи населения

Многие респонденты отметили, что участие в переписи населения – это гражданский акт, показывающий открытость государству, а также ответственность перед своим народом:

Я был настроен очень серьезно, потому что рассматривал свое участие с практической точки зрения <...> Например, показать, что нужна поддержка татарского языка у нас <...> Потому что не взаимодействовать с государством невозможно, нельзя иначе поменять жизнь к лучшему. И я был очень расстроен, что люди слабо поддерживали идею участвовать в переписи (ПМА 2021: Рустам Гарипов).

Такое мнение достаточно распространено, поэтому можно говорить, что в обсуждении мусульманами вопросов переписи населения заметно пересечение этнической, религиозной и гражданской идентичностей. Можно предположить, что отношение к участию в переписи и к ее результатам в какой-то мере косвенно свидетельствует о доверии к государству вообще. В этой работе, как уже отмечалось, не рассматривается отношение к переписи новоприбывшего населения и временных мигрантов-мусульман, замечу только, что лояльность государству этих групп неоднократно анализировалась специалистами в рамках различных проектов (см., напр.: *Рочева и др.* 2020: 503).

В исследовании, которому посвящена данная статья, за полгода до основного этапа переписи респондентам были предложены вопросы: когда пройдет переписная кампания (большинство опрошенных не смогли дать ответ)? какие задачи она решает? будут ли достоверны полученные в ее ходе данные о численности народов? как правильно определить свою принадлежность к тому или иному народу (об основаниях определения этнической идентичности)? Были заданы и вопросы, проясняющие отношение респондентов к дискуссии о соотношении гражданской идентичности с другими элементами самосознания – более половины опрошенных отметили, что гражданская идентичность не противоречит этнической. Эти данные сопоставимы с результатами масштабного исследования, проведенного в 2008 г. в 14 городах России – тогда 57,7% респондентов указали, что, не отрицая своей национальной (этнической) принадлежности, они могут отметить национальность “россиянин” (*Тишков, Степанов* 2009: 36). Анализируя данные 2008 г., специалисты уточняли: “С одной стороны, подобный характер ответов есть свидетельство неустойчивости этнических категорий, а с другой – еще более важное свидетельство потенциальной готовности населения к усилению процессов нациестроительства, процессов гражданской интеграции” (*Шабает* 2011: 71).

Проблема состоит в том, что, по-видимому, формирование мнения о государственных проектах может в значительной степени зависеть не от самого

вопроса, а от общего уровня доверия (или недоверия) к официальной информации. Если в сообществе сформировался скептицизм по отношению к официальным источникам информации, то можно предположить распространение критического взгляда даже на вопросы, не связанные с политикой. Безусловно, проблема доверия к контролирующим институтам государства и к научным данным требует отдельного рассмотрения.

В процессе исследования респондентам задавался вопрос: “Считаете ли Вы, что результаты переписи отражают реальный состав населения страны?” Только треть опрошенных ответила на него утвердительно, две трети распределились по вариантам “нет” и “затрудняюсь ответить”.

В периоды проведения прошлых переписей этот момент также отмечался специалистами. Так, в 2011 г. были опубликованы результаты опроса среди жителей Москвы, свидетельствующие о радикальном недоверии значительной части москвичей к государственным мероприятиям вообще и к Всероссийской переписи населения в частности:

Респонденты высказывали сомнения в том, что перепись, как мероприятие государственного масштаба, действительно может быть инструментом адекватной социально-экономической и этнической политики. Лишь 40% опрошенных москвичей заявило, что перепись населения проводить необходимо, тогда как 39% не знают, нужна ли перепись стране или нет. Пятая часть опрошенных была против проведения переписей населения (*Кульбачевская 2011: 44–62*).

В данном исследовании вопрос о том, как респонденты видят основания определения этнической идентичности, включал несколько вариантов ответов, в том числе была возможность вписать свой. Вариант “самоопределение” намеренно был исключен. Было важно выяснить, будет ли он насколько значим для респондента, чтобы быть указанным (без подсказки) в графе “другое”. В итоге “самоопределение” как основу этнической идентичности указал только один из 50 участников опроса, несколько большая готовность к такой позиции была озвучена в интервью. Достаточно ожидаемой оказалась популярность ассоциации этнической принадлежности с религиозной: треть респондентов отметили вероисповедание как одно из оснований этнического самоопределения человека, хотя категория “этнический мусульманин” обычно воспринимается крайне негативно мусульманами региона.

В ответ на вопрос: религия или этничность/землячество для постоянных прихожан мусульманских общин Московской области является решающим фактором объединения? – руководители организаций единогласно назвали религию:

Мы скорее выбираем мусульманскую основу для объединения. Мы осознанно не делаем акцент на национальности ни во время проповедей, ни во время мероприятий. И за последние 10 лет мы видим динамику, сейчас люди в мечетях области все меньше делают акцент на национальности, а раньше это было сплошь и рядом (ПМА 2021: Вильдан Габидуллин).

Происхождение и этническая принадлежность родителей как основания этнической идентичности были наиболее популярны среди участников исследования; знание родного языка выбрали более половины респондентов. Полученные данные свидетельствуют об актуальности темы языковой политики и проблемы сохранения родного языка в сообществе мусульман.

Даже номинальное указание в различных официальных формах (анкетах, бланках и пр.) татарского, азербайджанского языков, языков народов Северного Кавказа, народов Средней Азии и других в качестве родного остается одобряе-

мой в мусульманском сообществе моделью поведения. В этом случае язык (отличный от русского) понимается не как средство реальной коммуникации, а как признак самобытности народа:

Для статистики значения не имеет, если человек язык свой родной не знает. Его все равно запишут, например, татарин, киргизом или таджиком. Но мы должны понимать, что язык – это основа. Если ты считаешь себя представителем какой-то нации, то ты должен хотя бы половиной языка обладать, хотя бы просто уметь разговаривать <...> У нас людей, которые только заявляют о своей принадлежности, называют манкуртами – такой человек не знает ни своего языка, ни традиций. Если таких и дальше будет много, то и наш язык исчезнет, и литература исчезнет, ничего не будет передаваться следующим поколениям. Поэтому вопросы языка, национальности и религии важнейшие, они должны присутствовать общим блоком в переписи населения. А сейчас там много лишних вопросов, например, о доходах человека, о том, где и как он проживает (ПМА 2021: Руслан Саберов).

Сохранение реальных навыков владения родными языками (или обучение им, если сохранить язык на должном уровне не удалось) постулируется как важнейшая задача каждой мусульманской семьи, несмотря на то что обучение арабскому – языку вероучительной традиции – тоже считается необходимым элементом домашнего воспитания детей.

Вопрос об указании национальности (этнической принадлежности) в официальных документах вызывал особый интерес респондентов. Полученные результаты позволяют предположить, что среди активных участников религиозных организаций мусульман Московской области (граждан России) широко поддерживается мнение о необходимости внесения такой графы (“национальность”/“этническая принадлежность”) в документы, удостоверяющие личность. Респонденты отмечали, что именно так можно было бы повысить доверие к местным мусульманам со стороны немусульман (последние увидели бы в документе запись “татарин”, а не, например, “представитель народов дальнего зарубежья”). По-видимому, этот момент не только говорит о желании продемонстрировать свою этническую принадлежность, но и высвечивает проблему этнических границ, из-за которых коммуникация между (условно) мусульманскими и (условно) немусульманскими народами Подмосковья остается затрудненной и уязвимой для конфликтов по причинам, не связанным с религией.

В повседневной риторике жителей Подмосковья популярна идея создания моноэтничной/монокультурной среды как фактора комфортного существования. Данных о степени распространенности идеи сейчас нет, но отношение к этническим анклавам, регионам компактного проживания, местам резидентной концентрации людей, принадлежащих к одной этнической культуре, по-видимому, неоднозначно не только в научных кругах (где обычно они рассматриваются скорее как угрожающий фактор).

Большая часть участников опроса на вопрос “Есть ли в Вашем городе или районе компактное поселение или проживание по соседству семей представителей каких-либо народов (ранее прибывших из других регионов России или других стран)?” дала утвердительный ответ. При этом во время интервью высказывались серьезные сомнения в том, насколько корректно такие кварталы называть “закрытыми” или гомогенными:

В некоторых населенных пунктах, где большой частный сектор – там можно встретить, что примерно половина улицы уже заселена мусульманскими семьями <...> В многоквартирных домах можно встретить ситуацию, когда вся лестничная клетка – это семьи конкретного народа <...> Но это не закрытые кварталы (ПМА 2021: Динислам Шарипов).

Такого мнения придерживаются многие участники исследования, они отмечают, что в регионе есть несколько домохозяйств, объединяющих семьи представителей конкретных народов, в том числе мусульманских, но, с их точки зрения, об этнизации целых районов говорить не приходится.

Примечательно, что идея создания этнокультурно гомогенных кварталов не встретила одобрения у большинства интервьюируемых (напомним, что в основном это лидеры общин). При этом более половины участников опроса (среди них преобладают простые прихожане) указали, что относятся к появлению этнических кварталов положительно. Такой результат задает новое направление исследования, требующее привлечения как статистических данных, так и полевых материалов, поскольку место регистрации людей зачастую не совпадает с местом их фактического проживания.

* * *

На основе полученных данных можно сказать, что темы, связанные с этничностью, этнокультурным разнообразием, его сохранением и развитием, популярны среди активных участников мусульманских организаций региона. При этом Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг., по-видимому, не является для них главным источником таких сведений. Только треть респондентов воспринимают результаты переписи в части этнического состава как достоверные. Остается открытым вопрос о степени влияния на отношение к теме этничности личного мнения людей из ближнего круга, авторитетных лиц среди лидеров общины, кумулистов различных средств массовой информации, публицистов и иных людей.

Можно предположить, что у местных подмосковных мусульман достаточно четко выражены этническая и гражданская идентичности. Полученные данные свидетельствуют о том, что более половины участников исследования не видят противоречия между российской идентичностью и чувством причастности конкретной этнической общности. Половина опрошенных поддержала идею указывать в паспорте и других документах национальность, но это может быть обусловлено самыми разными причинами.

Основаниями для определения своей этнической принадлежности для участников исследования в основном служат происхождение и этническая принадлежность родителей, а также знание родного языка. Поэтому в дальнейшем можно прогнозировать повышенное внимание мусульман региона ко всем событиям и решениям, связанным с изучением языков народов России. Треть респондентов считают основанием этнической идентичности вероисповедание.

В процессе исследования было выявлено, что принадлежность респондентов к категории “мусульмане” оказалась настолько важной, что они указывали ее в открытых вопросах и отдельно выделяли в интервью. Более того, многие мусульмане Подмоскovie, граждане Российской Федерации, считают важным внесение вопроса о вероисповедании в опросный лист следующей переписи.

Обсуждение фактора формирования этнических кварталов (или районов компактного проживания каких-либо народов, отличных от русского) в Московской области и отношение к нему респондентов дало неожиданные результаты. В беседах с людьми речь шла именно об этнических, а не о мусульманских кварталах. Многие участники исследования из числа прихожан общин отметили, что относятся к такому явлению одобрительно. Дальнейшее изучение этнорелигиозной картины региона с точки зрения возможности формирования кварталов и районов компактного проживания мусульман, по моему мнению, требует серьезного внимания.

Примечания

¹ “...в Башкортостане перепись населения понимают как некий вариант идеологической войны и национальной башкирской мобилизации” (Искандер Измайлов) (Неужели кто-то считал, что татары согласятся отказаться от своего языка, культуры и памяти предков? // Деловая электронная газета “БизнесOnline”. 08.05.2021. <https://www.business-gazeta.ru/article/508546>)

² Активисты (активные участники общин) – в основном нижегородские, мордовские и пензенские татары, но встречаются представители и других групп татар, и других народов, включая русских.

³ Росстат еще не знает дату начала переписи населения // Международная информационная группа “Интерфакс”. <https://www.interfax.ru/russia/763699> (дата обращения: 28.04.2021);

“Люди привыкают, что мы один народ”. Черкесские активисты – о переписи населения // Кавказ.реалии (ресурс включен в Реестр иностранных СМИ – иноагентов). <https://www.kavkazr.com/a/30779284.html> (дата обращения: 28.04.2021).

⁴ Сообщение, распространяемое в числе прочих среди мусульман Московской области посредством мессенджера “Ватсап” весной 2021 г. (орфография и пунктуация сохранены): “Дорогие друзья, родственники, одноклассники, мусульман кардәшләрем! Наша страна готовится к переписи населения. В бланках очень двояко будет поставлен вопрос о родном языке: страна проживания Россия, а затем вопрос о РАЗГОВОРНОЙ речи – вот здесь будьте очень внимательны, убедительная просьба в этом разделе ставить ТАТАРСКИЙ язык, даже, если вы знаете хоть одно слово на татарском языке, а дополнительный язык ставьте русский. Все это делается для уменьшения % соотношения количества татарского народа, что повлечет уменьшение нашего статуса, ввиду чего мы потеряем школы, классы по изучению татарского языка, библиотеки, ВУЗы, театры, и. т.д. Нет языка – нет народа. Будьте внимательны! Дорожите своими корнями, историей, национальностью, языком и народом!!!”

⁵ «Росстат изучал этот вопрос и обратился “к нашим основным конфессиям, и было единодушное мнение, что этот вопрос задавать не следует”. Именно поэтому в законе о переписи такого вопроса пока нет, но возможность его появления прорабатывается» (Владыкина Т. Вопрос о вероисповедании появится в опросе переписи населения // Интернет-портал “Российской газеты”. 20.04.2015. <https://rg.ru/2015/04/20/perepis-site-anons.html>).

⁶ В опросе были выделены следующие возрастные категории: 18–25 лет, 25–35 лет, 35–50 лет, старше 50 лет.

Источники и материалы

Аббясов 2020 – Аббясов Р.Р. (ред.) Ислам в Московском регионе: материалы IV межрегиональной научной конференции. Ногинск, 22 октября 2020 г. М.: Издательский дом “Читай”, 2020.

Гузаиров 2009 – Гузаиров Р.Г. (сост.) Татары Подмосковья: историко-литературная хроника жизни и дел татар Московской области с древнейших времен и до наших дней. М.: Арба Т-XXI, 2009.

ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Интервью Аббясова Р.Р.

ПМА 2021 – Полевые материалы автора. Папка “Глубинные интервью с активистами местных религиозных организаций мусульман Московской области на тему отношения к переписи населения”.

Хайретдинов 2008 – Хайретдинов Д.З. (ред.) Ислам в Москве: энциклопедический словарь. Нижний Новгород: Издательский дом “Медина”, 2008.

Научная литература

- Амиров Я.Б.* Исламская составляющая российской идентичности. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. ФГОУ ВПО "Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации", Москва, 2009.
- Асадуллин Ф.А.* Многонациональный мир Москвы: от города к мегаполису. М.: Диалог цивилизаций, 2014.
- Барт Ф.* (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006.
- Бустанов А.К., Кемпер М.* Ислам по-русски: анализ современной исламской литературы в России: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016.
- Варишвер Е., Рочева А., Иванова Н.* Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253.
- Вендина О.И.* Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Демоскоп weekly. 2004. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php>
- Габдрафиков И.М.* Зигзаги этностатистики: особенности переписей населения в Башкирии в 1989, 2002, 2010 гг. и прогноз на 2020 гг. // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 193–196.
- Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории и социологии. М.: Культурная революция, 2010.
- Деминцева Е.Б., Зеленова Д.А., Космидис Е.А., Опарин Д.А.* Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 80–109.
- Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 89–101.
- Зорин В.Ю.* Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // Власть. 2017. № 8. С. 39–48.
- Кульбачевская О.В.* Общественные реакции на перепись // Этнологический мониторинг переписи населения / Ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 44–62.
- Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю.* Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород: ННГУ им. Лобачевского, 2011.
- Мчедлова М.М.* Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. № 1. С. 93–102.
- Никитичева А.О.* Русские мусульмане Подмосковья: аспекты самопонимания и роль в общинах // Ислам в современном мире. 2020. № 3. С. 145–164.
- Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А.* Русская молодежь Москвы в системе межэтнического взаимодействия // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 88–105.
- Попков Ю.В., Топорков В.Т.* Этничность реальная или воображаемая: новый конструктивизм // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 88–92.
- Пучков П.И.* Соотношение этнического и конфессионального в России // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 109–134.

- Романов М.В., Степанов В.В. (ред.) Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды. М.: Общественная палата РФ, 2012.
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 488–511.
- Сафаров М.А. Посеваемая мечети в современной религиозной практике московских татар // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 108–122.
- Соколовский С.В. Вторая всероссийская перепись населения: категоризация населения и политика идентичности // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 393–414.
- Соколовский С.В. Прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Ред. и сост. А.Л. Елфимов. М.: НЛЮ, 2012. С. 78–108.
- Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 127–144.
- Тишков В.А., Акбаев Х.М. “Народ не умирает с языком” или “Язык не живет без народа”? Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Отв. ред. Е.И. Филиппова, С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН; Горячая линия – Телеком, 2019. С. 19–39.
- Тишков В.А., Степанов В.В. Кем себя считают россияне // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 г.: ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 63–83.
- Чумакова Т. “Карта религий” для неудавшейся всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 3–4 (30). С. 106–133.
- Шабает Ю.П. Этнический национализм и гражданская нация в современной России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 69–83.
- Шмелев А.П., Потапова Ю.С. Влияние миграционных процессов на мусульманское сообщество России // Ислам в современном мире. 2015. № 11 (2). С. 145–152.
- Ярлыканов А.А. Российский ислам в контексте ситуации на Ближнем Востоке // Валдайские записки. 2016. № 48.
- Ammerman N.T. *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Research Article

Nikiticheva, A.O. **Ethnic and Religious Factors in the Russian Census as Local Muslims of the Moscow Region Understand Them [Etnicheski i religiozni faktory Vserossiiskoi perepisi naseleniia v ponimani mestnykh musul'man Moskovskoi oblasti].** *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 192–208. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040108> EDN: HYDRZG ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Alena Nikiticheva | <https://orcid.org/0000-0002-1470-7715> | alengus2112@gmail.com | independent researcher (Moscow, Russia)

Keywords

Islam, Moscow region, ethnic identity, religious identity, Russian Census

Abstract

The article presents the outcome of fieldwork and research conducted in Muslim religious organizations of the Moscow region in 2014–2021. I focus on various aspects of the ethnic and religious identities of Muslims local to the region, paying special attention to their attitudes toward the Russian Census of 2020–2021. I examine the approaches and ideas reflected in studies of population censuses in Russia, analyze the linguistic, ethnic, religious, and civic identity of the community, and discuss the problem of determining the numbers of Muslims residing in the Moscow region. Pointing to the general trend toward the declining trust in official results of the Russian Census, I argue that Muslims of the region begin expressing the idea of introducing a special section on religious identity in forthcoming census campaigns and related official documents.

References

- Amirov, Y.B. 2009. *Islamskaia sostavliaiushchaia rossiiskoi identichnosti* [Islamic Component in the Russian Identity]. PhD diss. abstract, Russian Academy of Public Administration (RAPA).
- Ammerman, N.T. 2007. *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Oxford: Oxford University Press.
- Asadullin, F.A. 2014. *Mnogonatsional'nyi mir Moskvy: ot goroda k megapolisu* [Moscow Multinational World: From Town to Metropolis]. Moscow: Dialog tsivilizatsii.
- Bart, F. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Social Borders: Social Organizing of the Cultural Differences], translated by I. Pilshchikov. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Bustanov, A.K., and M. Kemper. 2016. *Islam po-russki: analiz sovremennoi islamskoi literatury v Rossii: uchebnoe posobie* [Islam in Russian: Analysis of Modern Islamic Literature in Russia: Tutorial]. St. Petersburg: Sankt-Petersburgskii gosudarstvennyi universitet.
- Chumakova, T. 2012. “Karta religii” dlia neudavsheisia vsesoiuznoi perepisi 1937 g.: zabytaia stranitsa sovetskogo religiovedeniia [“The Religion Map” for Failed 1937 Soviet Census]. *Gosudarstvo. Religiiia. Tserkov'* 3–4 (30): 106–133.
- Demintseva, E.B., D.A. Zelenova, E.A. Kosmidis, and D.A. Oparin. 2017. *Vozможности adaptatsii detei migrantov v shkolah Moskvy i Podmoskov'ia* [Adaptation of Migrant Children in the Schools of Moscow and the Moscow Region]. *Demograficheskoe obozrenie* 4 (4): 80–109.
- Drobizheva, L.M. 2006. *Metodologicheskie problemy etnosotsiologicheskikh issledovaniia* [Methodological Problems of the Ethnosociological Studies]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 3/4: 89–101.
- Gabdrifikov, I.M. *Zigzagi etnostatistiki: osobennosti perepisei naseleniia v Bashkirii v 1989, 2002, 2010 gg. i prognoz na 2020 gg.* [Ethnostatistics Zigzagging: 1989, 2002, 2010 Bashkiria Census Features and the Forecast for 2020]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziia. Yazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika* [Measuring Cultural Diversity: Language Situation, Censuses, Field Ethnostatistics], edited by M.Y. Martynova and V.V. Stepanov, 193–196. Moscow: IEA RAN.
- Gavrilov, Y.A., and A.G. Shevchenko. 2010. *Islam i pravoslavno-musul'manskie otnosheniia v Rossii v zerkale istorii i sotsiologii* [Islam and Orthodox-Muslim Relations in Russia in Reflection of History and Sociology]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.

- Kulbachevskaya, O.V. 2011. Obshchestvennye reaktsii na perepis' [Public Reactions to Census]. In *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniia* [Ethnological Monitoring of the Population Census], edited by V.V. Stepanov, 44–62. Moscow: IEA RAN.
- Mchedlova, M.M. 2015. Islam i edinstvo rossiiskogo obshchestva: sovremennost' i istoricheskii opyt [Islam and Unity of the Russian Society: Modernity and Historical Experience]. *Islam v sovremennom mire* 1: 93–102.
- Mukhetdinov, D.V., and A.Y. Khabutdinov. 2011. Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: modernizatsiia i traditsii [Islam in Russia in the 18th – Early 21st Century]. Nizhnii Novgorod: NNGU im. Lobachevskogo.
- Nikiticheva, A.O. 2020. Russkie musul'mane Podmoskov'ia: aspekt samoponimaniia i rol' v obschinakh [Russian Muslims in the Moscow Region: Aspects of Self-Understanding and the Role in Communities]. *Islam v sovremennom mire* 3: 145–164.
- Ostapenko, L.V., R.A. Starchenko, and I.A. Subbotina. 2019. Russkaia molodezh' Moskvy v sisteme mezhetnicheskogo vzaimodeistviia [Russian Youth in Moscow in the System of Interethnic Relations]. *Vestnik antropologii* 4 (48): 88–105.
- Popkov, I.V., and V.T. Toporkov. 2006. Etnichnost' real'naia ili voobrazhaemaia: novyi konstruktivizm [Real or Imaginary Ethnicity: New Constructivism]. *Vestnik NGU. Seriia: Filosofii* 4 (2): 88–92.
- Puchkov, P.I. 2008. Sootnoshenie etnicheskogo i konfessional'nogo v Rossii [Ethnic and Religious Correlation in Russia]. In *Religiia v samosoznanii naroda (religiozniy faktor v identifikatsionnykh protsessakh)* [Religion in the People Consciousness (Religious Factor in Identification Processes)], edited by M.P. Mchedlov, 109–134. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Rocheva, A.L., E.A. Varshaver, and N.S. Ivanova. 2020. Uiazvimye gruppy v chrezvychainykh situatsiiakh: solidarnost' i doverie gosudarstvu kak osnova strategii migrantov v Rossii vo vremia pandemii COVID-19 [Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia during the COVID-19 Pandemic]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 6: 488–511.
- Romanov, M.V., and V.V. Stepanov. 2012. *Religiia v rossiiskom obshchestve. Traditsionnye religioznye i liberal'nye vzgliady* [Religion in Russian Society: Traditional Religious and Liberal Views]. Moscow: Obshchestvennaia palata RF.
- Safarov, M.A. 2014. Poseshchenie mecheti v sovremennoi religioznoi praktike moskovskikh tatar [Visiting a Mosque in Modern Religious Practice of Moscow Tatars]. *Antropologicheskii forum* 23: 108–122.
- Shabaev, Y.P. 2011. Etnicheskii natsionalizm i grazhdanskaia natsiia v sovremennoi Rossii [Ethnic Nationalism and Civil Nation in Modern Russia]. In *Etnopoliticheskaiia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 g. Ezhegodnyi doklad seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [Ethnopolitical Situation in Russia and Border States in 2010: Annual Report of Network of Ethnological Monitoring and Early Warning Conflict – EAWARN], edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov: 69–83. Moscow: IEA RAN.
- Shmelev, A.P., and Y.S. Potapova. 2015. Vliianie migratsionnykh protsessov na musul'manskoe soobshchestvo Rossii [The Impact of the Migration Processes on the Islamic Community of Russia]. *Islam v sovremennom mire* 11 (2): 145–152.
- Sokolovskiy, S.V. 2010. Vtoraiia vserossiiskaia perepis' naseleniia: kategorizatsiia naseleniia i politika identichnosti [Second Russian Census: Categorization of the Population and Identity Politics]. *Ab Imperio* 4: 393–414.
- Sokolovskiy, S.V. 2012. Proshloe v nastoiashchem rossiiskoi antropologii [The

- Past in the Present of Russian Anthropology]. In *Antropologicheskie traditsii: stili, stereotipy, paradigma* [Anthropological Traditions: Styles, Stereotypes, Paradigms], edited by A.L. Elfimov, 78–108. Moscow: NLO.
- Tishkov, V.A. 2019. Yazykovaia situatsiia i yazykovaia politika v Rossii (reviziia kategorii i praktik) [Language Situation and Language Policy in Russia (Revising Categories and Practices)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 3: 127–144.
- Tishkov, V.A., and K.M. Akbaev. 2019. “Narod ne umiraet s yazykom” ili “Yazyk ne zhivet bez naroda?” Dialog uchenykh o konflikte vokrug rodnogo yazyka [“Peoples don’t Die with Language” or “Language doesn’t Live without People”?]. In *Smert’ yazyka – smert’ naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredel’nykh gosudarstvakh* [Language Loss Means People Loss? Language Situations and Linguistic Rights in Russia and Border States], edited by S.V. Sokolovskiy and E.I. Filippova, 19–39. Moscow: IEA RAN, Goriachaia liniia – Telecom.
- Tishkov, V.A., and V.V. Stepanov. 2009. Kem sebia schitaiut rossiiane [Who are Russians: Regional Perceptions]. In *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel’nykh gosudarstvakh v 2008 g.: ezhegodnyi doklad seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [Ethnopolitical Situation in Russia and Border States in 2008: Annual Report of Network of Ethnological Monitoring and Early Warning Conflict – EAWARN], edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov, 63–83. Moscow: IEA RAN.
- Varshaver, E., A. Rocheva, and N. Ivanova. 2020. Mesta rezidentnoi kontsentratsii migrantov v rossiiskikh gorodakh: est’ li pattern? [Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 19 (2): 225–253.
- Vendina, O.I. 2004. Moskva etnicheskaia: grozit li gorodu gettoizatsiia? [Ethnic Moscow: Does the City Face Ghettoization?]. *Demoskop weekly*. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php>
- Yarlykapov, A.A. 2016. Rossiiskii islam v kontekste situatsii na Blizhnem Vostoke [Russian Islam and the Situation in the Middle East]. *Valdaiskie zapiski* 48.
- Zorin, V.Y. 2017. Musulmane Rossii: realii formirovaniia grazhdanskoi identichnosti [Muslims of Russia: The Reality of Shaping of the Civic Identity]. *Vlast’* 8: 39–48.